

Вальпургіева ночь военной психологіи.

(Опредѣленіе страха).

Есть «ученые», которые прочли и помнят (заучили) невѣроятную массу книгъ, но не въ состояніи, выражаясь грубо, переварить поглощаемое изъ книгъ, т.-е. не въ состояніи воспользоваться этими знаніями для жизни и не въ состояніи научить другихъ пользоваться приобрѣтенными знаніями. Это ученые только для диспутовъ.

Эти ученые не могутъ себѣ представить прочитанное въ дѣйствительныхъ явленіяхъ жизни, природы; не могутъ переложить его на жизнь. Мысль этихъ ученыхъ книжно-неподвижна, какъ все то, «написанное перомъ», что врѣзалось, всосалось въ ихъ мозги, и чего «не вырубить и топоромъ». Они не повѣряютъ прочитаннаго наблюденіями именно надъ тѣмъ, о чемъ прочитано, а потому безъ книги они совершенно безпомощны и не могутъ самостоятельно дать опредѣленіе самымъ обыкновеннымъ видимымъ

вещамъ и явленіямъ. Спросите ихъ—что такое домъ, и они сейчасъ же начнутъ вспоминать книжное опредѣленіе по спеціальной терминологіи.

Читатель, можетъ быть, неудомѣваетъ—ужели въ нашемъ вѣкѣ существуютъ еще такіе ученые. Такъ вотъ, судите сами, сравнивъ слѣдующія опредѣленія страха у двухъ ученыхъ—ученаго по книгамъ и жизни, и ученаго только по книгамъ:

1) «Страхъ есть ожиданіе близкой боли и бѣды. Производныя этого чувства будутъ: боязнь... опасеніе—предусмотрѣніе неприятности ¹⁾... Страхъ, какъ ожиданіе страданій и боли, родитъ боязнь (ожиданіе зла), вызываетъ опасенія, осторожность (разумъ и воля, направляемые боязнью)... ²⁾. Въ *страхъ боязни, опасеніи* рѣчь идетъ объ удаленіи себя отъ боли, бѣды и опасности... ³⁾. *Опасеніе*—конкретный случай боязни... ⁴⁾. Изъ изложеннаго ясно, что глубокія настроенія (чувства) и долгъ (эмоція воли) лежатъ въ основѣ психическихъ директивъ... *обузданіе движенія (убытанія) обращаетъ стихійное чувство страха въ разумное состояніе безстрашія или мужество....*»

Вотъ опредѣленія страха, сдѣланныя профессоромъ Сикорскимъ. Почти тождественно опредѣляютъ страхъ и другіе извѣстные намъ профессора психологіи. И съ этимъ опредѣленіемъ нельзя не согласиться, ихъ нельзя не понять; нельзя, благодаря имъ, не представить себѣ живо страхъ, боязнь, опасенія въ различныхъ случаяхъ: вотъ надо идти къ зубному врачу; я боюсь—значитъ я ожидаю боли. Я боюсь броситься въ рѣку—я ожидаю неприятности (холода, глубины или чего другого). Я боюсь темноты—я ожидаю чего-нибудь необъяснимаго.

Въ этихъ опредѣленіяхъ проглядываетъ усвоеніе предмета и ясное о немъ представленіе, что сообщается и читателю и слушателю. И этому читателю и слушателю остается только проверить опредѣленіе на собственныхъ наблюденіяхъ. И наблюденіями оно подтверждается больше и больше.

Совсѣмъ другое—психологія г. Резанова ⁵⁾.

Пишетъ г. Резановъ такъ развязно, съ такимъ апломбомъ и такъ безцеремонно называетъ «абсурдомъ» выводы работающихъ

1) Стр. 386, «Всобщая психологія» Сикорскаго, изд. 1912 г.

2) Стр. 486, тамъ же.

3) Стр. 613, тамъ же.

4) Стр. 614, тамъ же.

5) «Офицерская Жизнь» 1913 г. №№ 14—15.

въ области военной психологiи (уже 4-хъ человекъ), что невольно поднимается вопросъ—кто же этотъ самозванный пана психологiи, присвоившій себѣ право не то, что не соглашаться съ выводами на основанiи изученiя и наблюденiя, а просто «вязать и разрѣшать» то, что дѣлается въ области военной психологiи. Поднимается вопросъ—умѣстно ли въ работѣ по психологiи брать палку и безъ доказательствъ бить ею, воображая себя капрадомъ, исключительно благодаря неслыханной въ ученыхъ диспутахъ смѣлости (чтобъ не сказать больше)—назвать все то, чего самъ не понимаетъ и не усвоилъ, «абсурдомъ».

Вотъ его неслыханно-смѣлая манера навязывать свои мнѣнiя и требовать отъ всѣхъ своего субъективнаго способа пониманiя (воспрiятiя).

«... Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что чувство опасности, какъ *органическое* чувство, и чувство страха, какъ чувство *идейное*, два совершенно самостоятельныя явленiя, а потому говорить, что «чувство опасности, т.-е. страхъ»—непростительно даже для гимназиста старшаго класса.... Замѣчу въ скобкахъ, что «это чувство (страхъ)» тоже ошибочно «относится къ инстинкту самосохраненiя», ибо — «чувство» одно состоянiе сознанiя (*sic*), а инстинктъ совершенно другое....»

Если читатель взглянетъ на приведенную выше выдержку изъ психологiи проф. Сикорскаго о страхѣ и опасенiи, то долженъ будетъ заключить одно изъ двухъ: или проф. Сикорскiй не выдержалъ бы экзамена у г. Резанова даже на гимназиста старшаго класса или же, что г. Резановъ не дочиталъ, какъ слѣдуетъ, объ опасенiи и страхѣ, а потому и слабо представляетъ ихъ себѣ. Но, чтобы не выказать своего слабаго представленiя, онъ рѣшилъ убить всѣхъ читателей двумя, врядъ ли кому понятными въ данномъ случаѣ, жупелами, да еще курсивными: «*органическое*» чувство (чувство опасности) и «*идейное*» чувство (чувство страха).

Что подразумѣвалъ г. Резановъ подъ «органическимъ» или «идейнымъ» чувствомъ, мнѣ кажется останется вѣчной загадкой, если только авторъ не сознается, что вмѣсто «органическое» онъ хотѣлъ сказать «физическое», а вмѣсто «идейное» — «интеллектуальное» или, можетъ быть, «правственное....»

Но между физическимъ и органическимъ, а также и между интеллектуальнымъ или правственнымъ и идейнымъ—разница въ смыслѣ огромная. И во всякомъ случаѣ скорѣе наоборотъ, т.-е. чувство опасности идейное, а страхъ—органическое, но вообще такъ опредѣлять невозможно.

Между тѣмъ, ссылаясь въ особенности на Джемса и Рибо, проф. Сикорскій классифицируетъ чувства такъ:

1) «Физическія или низшія чувства (образы): боль, голодъ и пр. (чувства пріятнаго и непріятнаго)».

2) «Чувства (образы) первобытной давности: *удовольствіе, страданіе, пѣвъ, страхъ* (Ribot)» ⁶⁾. Эти четыре чувства, по словамъ проф. Сикорскаго (стр. 369), представляются самыми ранними у человѣческаго дитяти и у позвоночныхъ; «самыми простѣйшими и единственными, какими ограничивается все эмотивное хозяйство. *Въ душевныхъ больницахъ, когда разрушается психизмъ (временно или навсегда), можно наблюдать иногда, что исчезаютъ всѣ чувства, но четыре поименованныя остаются у больныхъ и выступаютъ очень рѣзко среди психической пустоты и безчувствія...*» ⁷⁾.

3) «Чувства новѣйшей фармаціи (эмотивные образы): надежда, благоговѣніе и пр.». Профессоръ Сикорскій говоритъ, что въ составъ эмотивныхъ образовъ всегда входятъ *умственные* ⁸⁾ образы, какъ части, вмѣстѣ съ *простѣйшимъ образомъ чувства*, составляя единое цѣлое эмотивнаго характера...»

4) «Сложныя или высшія чувства, къ которымъ относятся эстетическія, интеллектуальныя и нравственныя...»

Относительно поученія о томъ, что страхъ не относится къ инстинкту самосохраненія, я повторю буквально словами профессора Челпанова или Нечаева (не помню—кого именно), что страхъ тѣсно связанъ съ инстинктомъ самосохраненія. Да это и такъ понятно, что, не будь инстинкта самосохраненія, не было бы страха. И не туманнымъ выраженіемъ г. Резанова: «ибо чувство одно состояніе сознанія, а инстинктъ—другое», опровергнуть это. При томъ относить инстинктъ къ «состоянію сознанія—грубѣйшая ошибка» ⁹⁾.

⁶⁾ Внизу имѣется ссылка: Th. Ribot. Problèmes de psychologie affective. Paris Alcan. 1910 г., стр. 157.

⁷⁾ Курсивъ привелъ я не для г. Резанова, а къ полемикѣ моей съ г. Ш—ъ о «страхѣ».

⁸⁾ Не умственные ли образы эмотивныхъ чувствъ понимаетъ г. Резановъ подъ словами «идейныя чувства»?

⁹⁾ Въ этомъ отношеніи г. Резановъ чересчуръ оригиналенъ, такъ какъ не только всѣ психологи, но и каждый... не книжничъ подтвердить, что всѣ явленія страха у животныхъ и у людей съ плохо развитымъ интеллектомъ—инстинктивны. И вообще инстинктъ опредѣляютъ какъ «безсознательный умъ», а потому говорить, что инстинктъ (безсознательный умъ) одно изъ состояній сознанія—чистѣйшій парадоксъ.

Заставляя себя относиться доброжелательно ко всѣмъ труженникамъ пера (именно благодаря благодѣтельному вліянію науки психологіи, вопреки г. Резанову, утверждающему, будто бы изученіе психологіи «принесетъ пользу лишь тѣмъ лицамъ, которыя рождены уже съ задатками полководца»; но объ этомъ послѣ), я не возвращаю г. Резанову слова «абсурдъ», сравнивая его загадочныя «органическія» и «идейныя» чувства, а также заявленіе о какомъ-то новомъ чувствѣ опасности, какъ якобы «совершенно самостоятельномъ явленіи», отличномъ отъ явленія чувства страха, съ приведенными выдержками проф. Сикорскаго, что собственно особаго чувства опасности нѣтъ, а есть видъ разумнаго страха (опасеніе), опредѣляемаго: «ожиданіе опасности».

Можно было бы, если бы это не былъ г. Резановъ, и не приводить авторитета проф. Сикорскаго и др., а просто сослаться на наблюденія надъ людьми и животными, въ доказательство того, что особаго чувства опасности, какъ «совершенно самостоятельнаго явленія», зарегистрировать нельзя.

Изъ всего видно, что г. Резановъ поглотилъ массу книгъ, но не работалъ мыслью самостоятельно.

Такъ онъ опровергаетъ сказанное мною, что храбрость не только удѣлъ немногихъ—по природѣ, а всѣхъ тѣхъ, кто силою воли (въ ст. «Страхъ и борьба съ нимъ»), и силою разума и высшими чувствами побѣдить, преодолѣть чувство страха...

Но насколько это справедливо, каждый, не исключая г. Резанова, можетъ убѣдиться на себѣ и на окружающихъ, если только пожелаетъ развить свою силу воли и восторжествовать надъ «страхомъ» чего бы то ни было съ помощью разума, воли и высшихъ чувствъ (долга).

Если же г. Резанову нужны только авторитеты, то пусть онъ вникнетъ въ приведенныя раньше слова проф. Сикорскаго: «...изъ изложеннаго (о страхѣ) ясно, что глубокія настроенія (чувства) и долгъ (эмоція воли) лежатъ въ основѣ психическихъ директивъ... обузданіе движенія (убѣганія) обращаетъ стихійное чувство страха въ разумное состояніе безстрашія или мужества ¹⁰⁾. И не только психологу, но и «каждому солдату, какъ будто и стыдно сомнѣваться въ дѣйствительности, если и не предлагаемыхъ мною, то какихъ-нибудь другихъ упражненій для обузданія страха.

¹⁰⁾ Курсивъ мой.

Кромѣ того, если г. Резановъ проштудируетъ развитіе высшаго психизма, то устыдится сказаннаго имъ: «*Изученіе военной психологіи принесетъ пользу лишь тѣмъ лицамъ, которыя рождены уже съ задатками полководца* ¹¹⁾). При этомъ г. Резановъ хвалится, что послѣ его сообщенія въ одномъ полку, офицеры спросили — «можетъ ли военная психологія каждаго офицера научить искусству управленія болѣе или менѣе обширными воинскими частями?» Г. Резановъ говоритъ, что онъ долженъ былъ отвѣтить, что о такой постановкѣ вопроса не можетъ быть и рѣчи, и привелъ свой курсивъ, а затѣмъ сослался, очень некстати, на слова Джемса, относящіяся со всѣмъ къ другому вопросу (воспитанія).

Для психолога, даже только начинающаго изученіе этой науки наукъ, подобныя заявленія г. Резанова должны показаться ошеломляющими... невозможными, по той простой причинѣ, что для всякаго не книжнаго схоластика понятно, что хотя науки не порождаютъ искусствъ прямо изъ себя, но онѣ накапливаютъ возбужденіе къ дѣйствию по выводамъ наукъ.

Допустимъ, каждый офицеръ, благодаря изученію психологіи, узналъ бы, что войска воспитываются не розгой, а чувствомъ долга. Развѣ это знаніе не являлось бы директивомъ для его воли (порывомъ къ соотвѣтствующему дѣйствию)? Или знаніе того, что популярность и престижъ начальника пріобрѣтаются доброжелательностью, авторитетностью въ своемъ дѣлѣ и увѣренностью въ своихъ силахъ, развѣ не возбудило бы волю къ достиженію такихъ качествъ души?

Развѣ знаніе того, чѣмъ предостеречь себя отъ боли, непріятности, страданій и пр. не побуждаютъ нашу волю сдѣлать такъ, какъ нужно, какъ должно для личнаго спасенія и благополучія?

Знаніе вредныхъ сторонъ аттестацій заставляло бы принять соотвѣтствующія мѣры.

Знаніе изъ психологіи того, что качества и способности спеціальныя передаются наслѣдственно (собаки: лягавыя, борзые и пр.; лошади: скаковыя, ломовыя и т. п.), побудило бы быть можетъ установить военную службу наслѣдственной (пчелы), а знаніе по психологіи того, что съ лѣтами человѣкъ умственно и нравственно не только ослабѣваетъ, а, напротивъ, укрѣпляется, если только работаетъ въ этомъ направленіи, побудило бы сдѣлать военную службу и пожизненной.

11) Курсивъ г. Резанова.

Если опять нуженъ авторитетъ, то я опять приведу нѣсколько словъ профессора Сикорскаго (стр. 466): «...Вліяніе познанія на волю обуславливается болѣе всего тѣмъ, что процессы воспріятія постоянно вызываютъ собою акты непроизвольнаго вниманія и, вообще, приводятъ въ дѣйствіе двинательные механизмы мозга. Путемъ познанія накапливается то возбужденіе, которое въ актахъ воли находитъ свой естественный исходъ и свое естественное фізіологическое и психологическое заключеніе. Такимъ образомъ, познаніе служитъ естественнымъ возбуждителемъ воли».

Возвращаясь отъ авторитета опять къ жизни (повторяю, что кто дѣйствительно интересуется психологіей, тотъ будетъ останавливать свое вниманіе, невольно, на каждомъ явленіи души человѣка и животнаго), я напому, вѣроятно, крѣпко забытую истину, что познанія, особенно перешедшія въ убѣжденія (т.-е. хорошо усвоенныя), измѣняютъ не только вкусы человѣка, но и его желанія и порывы (т.-е. развиваютъ и волю). Такъ познаніе преимущества растительной пищи передъ мясной—дѣлаетъ человека вегетарианцемъ. Нѣкоторые убѣждаются (хотя бы неправильно), что сахаръ вреденъ, и начинаютъ пить чай безъ сахара. Другіе—наоборотъ. Иные не переносятъ кислаго молока, кумыса и вообще молока, но, убѣдившись выводами познаній профессора Мечникова и другихъ ученыхъ, даже пристраиваются къ какому-нибудь виду молока. На этомъ основано и внушеніе. Вспомнимъ, наконецъ, чѣмъ, какъ не знаніемъ о вредѣ, успѣшиѣ всего можно бороться съ алкоголизмомъ и другими «страстями» человѣка.

А такъ какъ фізіологическіе процессы неразрывны съ психологическими, то мы можемъ наблюдать, что знанія могутъ измѣнить и психику каждаго человѣка.

Наука, въ томъ числѣ и психологія, какъ сумма знаній (если хотите—познаній), именно научаетъ человѣка (да и животное), что должно думать о томъ или о другомъ, какъ слѣдуетъ понимать; выясняетъ истину (въ этомъ и заключается развитіе интеллекта); значить и показываетъ правильное направленіе къ истинѣ. Отсюда получается понятіе объ истинѣ дѣйствій человѣка, т.-е. о томъ, что онъ долженъ дѣлать, что и есть понятіе о долѣ, зарождающее порывъ къ дѣйствию (воля), согласно этого понятія о правдѣ дѣйствія. Мы видимъ въ жизни, что человекъ и цѣлыя народы проявляютъ рѣшимость къ дѣйствию и начинаютъ самую энергичную дѣятельность, часто жертвуя жизнью только тогда, когда утверены

въ правотѣ своихъ сужденій, когда увѣрены въ своемъ правѣ или призваніи господствовать надъ другими народами.

Повѣрьте, что Японскую войну мы проиграли не почему-либо другому, какъ только потому, что у насъ не было офицера и даже солдата, а также и граждаина, которые были бы убѣждены въ правотѣ этой войны съ японцами; не было никого у насъ, кто бы не оправдывалъ японцевъ, благодаря пущеннымъ (можетъ быть въ извращенномъ видѣ) слухамъ о концессіяхъ и аферахъ за Ялу. У японцевъ же не было человѣка, который не былъ бы фанатически убѣжденъ въ своей правотѣ.

И не «неутолимая страсть» единичнаго человѣка двигаетъ цѣлыя народы на смертельный споръ, а именно эта увѣренность цѣлой арміи въ своемъ правѣ и своей правдѣ добывать и защищать предметъ, изъ-за котораго возникъ этотъ смертельный бой. А потому и полководецъ, и правительство, и въ особенности печать, желающіе быть на высотѣ своего положенія, должны прежде всего внушить и арміи и народу эту увѣренность въ своемъ правѣ, чтобы не только армія, но весь народъ воспылалъ фанатическимъ желаніемъ дать отпоръ и даже уничтожить не только нарушителей своихъ правъ, а просто препятствующихъ историческимъ задачамъ народа.

Такъ было у насъ въ 1812 году; такъ было у японцевъ съ 1894 по 1904 годъ, десять лѣтъ приучавшихся смотрѣть на насъ—русскихъ, какъ будто на самыхъ безсовѣстныхъ нарушителей ихъ японскаго права и какъ на смертельныхъ враговъ ихъ. Такъ приучались смотрѣть и балканскіе наши единовѣрцы на турокъ.

Суворовъ передъ взятіемъ Измаила простыми словами убѣдилъ армію не только въ правѣ, но и въ неотложной необходимости взять Измаилъ. Также дѣлалъ онъ и въ другихъ случаяхъ. Также дѣлали и другіе. И военные совѣты, созываемые во время войны, имѣютъ цѣлью именно вложить увѣренность, такъ сказать, въ наибольшей правдѣ и правильности предстоящихъ дѣйствій. И повѣрьте, что не театральныя аффектаціи: «Вотъ солнце Аустерлица!»... дѣлаемые для зрителей міра, воодушевили полчища Наполеона, а именно видъ его и вкладываемое имъ же въ сердца своей арміи убѣжденіе, увѣренность, что онъ, ихъ богъ, есть сама истина, правда, успѣхъ, побѣда.

Я умышленно отклонился, чтобы доказать несправедливость утвержденія г. Резанова, якобы основывающагося на сказанномъ Рибо, будто «великіе честолюбцы (Наполеонъ, Цезарь, Суворовъ

и др.) потому и совершали чудеса, что въ основѣ ихъ характера находилась сильная, неутолимая страсть, которая совершенно подчиняла себѣ всѣ ихъ помыслы...»

Такихъ честолюбцевъ съ сильной неукротимой страстью, подчиняющей всѣ помыслы, всегда миллионы и даже теперь они замѣтны и между работниками по психологiи изъ-за явно обнаруженнаго недоброжелательства хотя бы и къ очень малымъ успѣхамъ изслѣдованiя въ этой области всѣхъ своихъ коллегъ, но эти честолюбцы на чудеса неспособны... И никогда не только солдатъ, т.-е. армию, не увлекутъ они для удовлетворенiя своего личнаго честолюбiя, но возбуждаютъ въ другихъ недобрыя къ себѣ чувства. А вообще психологiю чудесъ честолюбiя и «сильныхъ неутолимыхъ страстей»—можно въ совершенствѣ изучить въ судебныхъ процессахъ. И странно, что психологъ позволяетъ себѣ утверждать, будто миллионамъ воиновъ интересна «неутолимая страсть» честолюбца! Будто этимъ увлекають толпу...

Полагаю, всякій согласится, что не неукротимая страсть жалкаго честолюбца окружить его ореоломъ обаянiя, а нравственное достоинство, разумъ, величiе духа, о чемъ такъ хорошо сказано у проф. Сикорскаго: «въ *нравственномъ* достоинствѣ содержится, слѣдовательно, не только эмотивная высота, но и *напряженiе воли*, безъ котораго было бы невозможно осуществленiе долга. Въ *величii* духа иная сторона выступаетъ на первый планъ—это масса дѣятельныхъ директивъ и постоянная готовность *безъ малѣйшихъ сомнѣнiй и безъ колебанiй приступить къ осуществленiю труднѣйшихъ задачъ и величайшаю* долга, хотя бы на самую подготовку къ подвигу не было дано достаточно срока. *Непрерывное самообладанiе и готовность къ дѣйствию составляютъ основную черту величiя духа...*»¹²⁾.

Величiе духа (что есть и сила духа), а никакъ не мизерное личное честолюбiе, возбуждаетъ въ окружающихъ къ себѣ поклоненiе, дѣйствуетъ на нихъ обаятельно, увлекая слѣпо за собой.

Еще разъ: протудируйте исторiю и жизнь.

И Наполеонъ и Суворовъ были природные психологи. Но и одинъ и другой приписывали чудеса не неутолимой жаждѣ честолюбiя, а..., напимѣръ, квадрату разума и воли (сила замысла съ силой выполненiя), и высшимъ чувствамъ къ Богу, къ Императору, къ Отечеству и долгу.

¹²⁾ Курсивъ мой.

Вообще отъ «психологiи» г. Резанова несетъ какимъ то книжнымъ тлѣномъ, хотя и съ высоко-ученой вѣдѣнностью. Его психологiя это — трупъ, анатомируемый только спеціалистомъ-хирургомъ на пользу только тѣхъ, кто «родился съ задатками»... Его скептицизмъ въ отношенiи непосредственнаго примѣненiя наукъ къ жизни, къ академiи (въ «Армiи и толпѣ») ¹³⁾ какъ то странно противорѣчитъ съ живой водой слѣдующихъ словъ проф. Сикорскаго: «*глубина, проницательность и ясность чувства зависятъ отъ озаренiя чувства умою и анализомъ...*» ¹⁴⁾.

Слишкомъ загадочно и опредѣленiе г. Резановымъ военной психологiи, какъ науки, будто бы «занимающейя изученiемъ души армiи».

Какъ и что понимать подъ «душой армiи»? Есть *духъ* армiи — въ смыслѣ нравственнаго элемента ея, но душа армiи — это нѣчто слишкомъ неопредѣленное, чему придаютъ разное значенiе: душой армiи называютъ то офицерскiй корпусъ, то ея полководца, то генеральный штабъ и т. п. Душа армiи не существуетъ; это говорится только по аналогiи организма армiи съ организмомъ чело-вѣка.

Я предполагалъ предложить свое опредѣленiе военной психологiи, какъ науки о душѣ чело-вѣка въ военномъ дѣлѣ и въ военной обстановкѣ, т.-е. въ военной жизни. По аналогiи съ опредѣленiемъ общей психологiи — военная психологiя есть наука, рассматривающая душевныя явленiя военной жизни... Но объ этомъ — современемъ. Пока же я хочу обратить вниманiе читателя на характерную ученую несостоятельность — предписать свои законы жизни.

Въ «Армiи и толпѣ» авторъ прямо такъ предписываетъ толпѣ (собранию) обязательную «духовную однородность» заявленiемъ, что «*разнородной психически толпы быть не можетъ...*» ¹⁵⁾. Вотъ что значитъ книга, а не жизнь. Вѣдь достаточно было бы вспомнить о парламентахъ, чтобы задуматься надъ обязательностью духовной однородности. Да и наблюдая всякую толпу, а въ особенности современную американскую, или высоко-культурную, сдержанную — изъ европейскихъ сѣверныхъ на-

¹³⁾ «Только природа, а не академiя, надѣляетъ чело-вѣка наиболѣе существеннымъ талантомъ полководца — *силою воли характера...*» (стр. 85). Развѣ сила воли талантъ? спросимъ мы, и что значитъ сила воли характера?

¹⁴⁾ Курсивъ мой.

¹⁵⁾ Курсивъ автора (стр. 13).

родовъ, невольно улыбнешься, читая «законы толпѣ» по схемѣ автора.

Я закончу «психологіей» выступленія г. Резанова противъ г. Ш—а и меня ¹⁶).

Неужели же больше всего разсердило и возмутило автора въ нашихъ писаніяхъ то, что я г. Ш—а, а не его, назвалъ «высокоавторитетнымъ»? Изъ всѣхъ выпадовъ автора противъ всѣхъ работающих по психологіи выходитъ, будто онъ не въ состояніи перенести мысли, что есть и кромѣ него авторитеты по военной психологіи. И г. Резановъ въ своемъ апломбѣ и менторскомъ тонѣ въ отношеніи своихъ же коллегъ заходитъ иногда такъ далеко, что перестаетъ обдумывать написанное и попадаетъ... впросакъ.

Такъ онъ пытается нѣсколько разъ учить меня даже грамотности и словесности и, увлекшись, выстрѣлилъ, что «участники, сотрудники, пособники (великаго дѣла — войны) — синонимы».

Я писалъ объ ознакомленіи съ проявленіями духа человѣка участниковъ (непосредственные дѣятели войны, т.-е. воины), сотрудниковъ (непосредственного участія не принимающіе, но «сотрудящіеся» съ воинами: доктора, санитары, довольствующіе и т. п.) и пособниковъ (тѣхъ тѣхъ, кто сочувствуетъ, пособляетъ войнѣ). Кромѣ того и по законовѣднью всѣмъ извѣстно, что «участниковъ, сотрудниковъ, пособниковъ» — синонимами назвать нельзя.

«Избави Богъ всѣхъ насъ отъ этакихъ судей!...»

Такъ пришлось прочесть въ одной статьѣ — нѣчто вопіюще-несправедливое о психологахъ и для нихъ болѣе чѣмъ обидное: «развившіеся въ послѣднее время психологи, а по моему просто разрушители духовной силы арміи...».

Авторамъ такой клеветы на психологовъ не грѣхъ бы знать,

¹⁶) Для того, чтобы особенно ясно понять эту «непсихологію», надо прочесть статью «Военная психологія, какъ наука», въ прил. № 11 къ «Р. Инв.» № 267—1909 г., гдѣ оказывается г. Резановъ отлично знаетъ уже доктора медицины г. Шумкова и его програму по занятіямъ психологіей «молодымъ обществомъ военныхъ психологовъ, начинанія которыхъ каждый офицеръ долженъ привѣтствовать самыми горячими пожеланіями... увы, нынѣ не только полковые историки, но и онъ, ругаютъ всѣхъ, кромѣ себя, военныхъ психологовъ. А военные историки бросаютъ самыя ужасныя и оскорбительныя обвиненія психологамъ, называя ихъ «разрушителями духовной силы арміи». Вѣдь это хуже измѣнниковъ, предателей, отравителей. Но вѣдь полковые историки привыкли не думать, а только читать. Авторъ же — психологъ.

что наука побъждать Суворова, учение Наполеона, Драгомирова—чистѣйшая психологія. Они сами—великіе психологи и «каждый начальник на своемъ мѣстѣ—непремѣнно психологъ», какъ заявилъ французскій военный ученый.

А. Дмитревскій.

